

А.Г. КИСЛОВ

(Уральский государственный университет, Екатеринбург)

**Онтологически автономные отрицательные суждения:
И. Кант, Н.А. Васильев и неклассическая логика**

Прежде чем начать обсуждение проблемы соотношения философии Канта и современной логики, следует сразу ответить на два возможных вопроса.

Почему ставка делается на логико-семантическую реконструкцию идей Канта?

На наш взгляд, вполне оправданно, при всем осознании сопутствующих проблем, испытывать «искушение понять кантовскую концепцию логики как концепцию, которую можно эксплицировать с помощью современной формализованной логики»¹. Дело здесь не столько в предпочтениях автора, сколько в том, что критическое осмысление движения от *logica specialis* к *logica pura* — одна из важнейших тем философии современной логики, т.е. логического знания в период деуниверсализации классической логики². Сам же плюрализм логических систем может быть представлен только соответствующими логическими средствами.

Почему рассматривается столь периферийный по отношению к зрелой кантовской философии текст?

Логическую модернизацию анализа историко-философских тем справедливо критикуют за вынужденную статичность, лишённую возможности рассматривать идеи в контексте их становления. Впрочем, этот недостаток встречается и независимо от методологических установок. Избавиться от него можно только последовательным рассмотрением так называемых сквозных тем, каковой, на наш взгляд, и является для логического кантоведения тема классификации суждений в целом и интерпретации отрицательных суждений — в частности. Рассматриваемый же нами текст, безусловно, не ключевой в анализе логического арсенала, используемого Кантом на протяжении всего своего философского творчества, но первый.

1. Онтологические и гносеологические концепции сущности отрицательных суждений

Преобладающее в логико-философской литературе представление о том, что Кант понимал отрицательные суждения лишь в качестве зависимых от утвердительных, совершенно определенно выразил Адольф Райнах в работе 1911 г., посвященной анализу именно отрицательных суждений: «Простое негативное суждение... не предполагает позитивного суждения, которое оно опровергало бы ...было бы совершенно односторонним такое понимание негативного суждения, когда мы вслед за Кантом... стали бы утверждать, что свособразная функция негативных суждений заключается “исключительно в том, чтобы предотвращать заблуждение”»³. Сам Райнах, что очевидно, придерживался другого мнения, и если указанную кантовскую позицию относят к гносеологическим концепциям смысла отрицательных суждений, то позицию Райнаха — к онтологическим⁴.

Гносеологическое по сути понимание отрицательных суждений как суждений об утвердительных суждениях (именно как суждений о суждениях, а не о фактах) поддерживалось значительным числом философов — Дж. Ст. Миллем, Х. Зигвартом, А. Бергсоном, У. Джемсом, М. Шликом и др. Для подтверждения связи различных гносеологических концепций с позицией Канта обычно, как и в приведенной выше цитате Райнаха, делается ссылка на следующий фрагмент из «Критики чистого разума»: *«Логически можно любые положения выразить в отрицательной форме, но в отношении содержания нашего знания вообще, а именно расширяется ли это знание посредством суждения или ограничивается им, отрицательные положения имеют особую задачу — лишь удерживать нас от заблуждения. Поэтому отрицательные положения, которые должны удерживать от ложного знания там, где никакое заблуждение невозможно, хотя и очень правильны, но все же пусты, т. е. несоразмерны со своей целью и потому час-*

то смешны...»(3, 597)*. Такое понимание отрицательных суждений не усматривает за ними никаких особых положений дел, т.е. лишает отрицательные суждения самостоятельного онтологического статуса, который, согласно гносеологической концепции, имеют только утвердительные суждения.

Представители онтологических концепций смысла отрицательных суждений, напротив, рассматривали эти суждения в качестве автономных относительно утвердительных, наделяя отрицательные суждения самостоятельным онтологическим статусом. Наряду с Райнахом онтологической позиции по данному вопросу придерживались А. Мейнонг, Б. Рассел — периода философии логического атомизма, отчасти — ранний Л. Витгенштейн. Но наиболее известной и широко обсуждаемой в современной логической среде стала позиция Н.А. Васильева, который предлагал различать гносеологический и онтологический (эмпирический, по Васильеву) уровни законов логики. На онтологическом уровне, зависимом от допущений о мире, предлагалось, в свою очередь, различать своего рода логические измерения:

— одномерная логика, где атомны только утвердительные суждения;

— двумерная логика, где атомны и утвердительные, и отрицательные суждения;

— трехмерная логика, которую Васильев строит, дополняя атомные суждения, наряду с утвердительными и отрицательными, еще и суждениями противоречия⁵, или индифферентными суждениями⁶, а при другом подходе, который, впрочем, требует отдельного рассмотрения, — акцидентальными суждениями⁷;

— n -мерная логика ($n \geq 1$), идею которой выдвинул Васильев, а разработка этой идеи принадлежит В.А. Смирнову⁸.

Отложим рассмотрение логик больших измерений и обратим внимание на обоснование Васильевым возможности перехода от одномерной логики к двумерной, а по сути — от гносеологического видения сущности отрицательных суждений к

---

* Здесь и далее ссылки на сочинения Канта по изданию: *Кант И.* Сочинения: В 6 т. М., 1963—1966 — даются в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страницы.

онтологическому. Такое определение, как «отрицание это то, что несовместимо с утверждением»⁹, неудовлетворительно, поскольку по порочному кругу уже содержит закон противоречия, выражающий «несовместимость утверждения и отрицания»¹⁰. Васильев усматривает отсутствие автономии подобного рода отрицательных суждений в том, что «все отрицательные суждения о предметах и восприятиях нашего мира получаются как выводы из положений о несовместимости двух признаков»¹¹. К примеру, в нашем мире нельзя непосредственно «не видеть» или «не слышать» что-либо, потому что «в сознании нет отрицательных функций»¹², но можно видеть или слышать что-нибудь другое и делать вывод на основании несовместимости первого и второго. Отсюда Васильев заключает: «У нас только утвердительное суждение о предметах и фактах непосредственно, т.е. основано на восприятии и ощущении, отрицательное же всегда выводное. Так происходит дело в нашем мире и в нашей логике. Но предположим иной мир, где отрицательные суждения будут такими же непосредственными, как непосредственны у нас утвердительные суждения, где самый опыт без всякого вывода убеждает нас в том, что S не есть P »¹³. Или, «другими словами, в нашем мире непосредственное восприятие дает только один вид суждения — утвердительный; можно предположить такой логический мир и такую логику, где непосредственное восприятие порождает два вида суждения: утвердительный и отрицательный»¹⁴. Далее Васильев обосновывает возможность рассмотрения индифферентных суждений типа « S есть и не есть P зараз», но нам в качестве предмета нашего внимания следует ограничиться только двумерной логикой.

Логико-философские работы Васильева открывают дорогу к обоснованию неклассических логик. Справедливости ради стоит заметить, что гносеологический подход к трактовке отрицательных суждений в ничуть не меньшей степени чреват неклассическими обобщениями, чем онтологический подход, подтверждением чего могут служить содержательные интенции построения многозначных логик С. Клини и Д.А. Боч-

2. Логическое кантоведение

вара¹⁵, реляционная семантика интуиционистских логик, основания логики с операторами истинности и ложности¹⁶ и многое другое. Более того, граница между онтологическим и гносеологическим подходами не всегда может быть четко определена. Например, Васильев допускает различные интерпретации своей «воображаемой логики»; некоторые из этих интерпретаций, несмотря на общую онтологическую доминанту, вполне могут быть представлены как гносеологические. Примечательно, что в критике классических законов логики Васильев — скорее косвенно, через преемников идей¹⁷, чем напрямую, — но в какой то мере опирался и на критический опыт Канта. Это касается, прежде всего, критических взглядов на «официальные» формулировки и определения значимости законов противоречия и исключенного третьего. В целом же различные аспекты «неклассичности» и шире — актуальности — логического арсенала кантовской философии отмечают в современной логико-философской литературе В.А. Смирнов¹⁸, Е.Д. Смирнова¹⁹, В.С. Меськов²⁰, В. ван дер Куийлен²¹, К.А. Михайлов²² и др.

2. Первая работа Канта по метафизике

Как бы то ни было, вполне определенным считается, что Кант критического периода развивал такой вариант гносеологического подхода к сущности отрицательных суждений, как концепция преодоления ложного знания²³. Таким образом, поскольку самостоятельный онтологический статус имеют только утвердительные суждения, концепция, идущая от Канта, соответствует, по Васильеву, одномерной логике. Однако Кант докритического периода в первой своей работе по метафизике — «*Principiorum primorum cognitionis metaphysicae nova dilucidatio*» («Новое освещение первых принципов метафизического познания», 1755) (1, 263—314) — недвусмысленно говорит именно об автономии отрицательных суждений, а значит, выражает идею двумерной логики.

Указанная работа, написанная на латыни, представляет собой диссертацию, которую Кант защищал с целью получения

права чтения лекций на философском факультете, и, кроме того, что она действительно хронологически первая в ряду работ Канта по собственно метафизической проблематике, ничем обычно в литературе по кантоведению не выделяется. Характерный для Канта критический (пусть еще и не в духе подлинной критической философии) настрой по отношению к ставшей официальной лейбницевской трактовке законов логики связывает этот (безусловно, незрелый в сравнении с основными трудами Канта) текст с широким диапазоном разнообразных проектов реформирования логики. Среди таковых на одном полюсе и сугубо метафизическая «атака на логику»²⁴, содержащаяся в лекции М. Хайдеггера «Что такое метафизика?»²⁵, и его же более поздняя скрупулезная реинтерпретация закона достаточного основания²⁶, а на другом полюсе — работы логико-философского характера, сначала подготавливающие, а затем и осмысляющие произошедшую в прошлом веке деуниверсализацию классической логики.

«Новое освещение первых принципов метафизического познания», без всякого сомнения, относится к первой группе работ, ибо универсальность и единственность классической логики здесь не оспаривается, и вопрос о множественности логических систем даже не может быть здесь поставлен; Кант работает лишь над усовершенствованием выражения логического знания, преследуя «более глубокое проникновение в присущий нашему рассудку закон доказательства» (1, 272). Структура текста чрезвычайно проста. Прежде всего, обосновывается предпочтение «принципа тождества» перед «принципом противоречия» в качестве «высшего и над всеми истинами несомненно властвующего» принципа. Причем «принцип тождества» дается в оригинальной парной формулировке («двойкий принцип тождества»), различающей утвердительные и отрицательные истины. Затем критически рассматривается «закон достаточного основания», который предлагается именовать «принципом определяющего основания». Далее излагаются верные и опровергаются ложные выводы из «принципа определяющего основания», эти выводы имеют

2. Логическое кантоведение

онтологический характер. Два из них — «принцип последовательности» и «принцип сосуществования» — предлагается рассматривать в качестве самостоятельных принципов метафизического познания. Кант заявляет, что эти два принципа — «некоторый шаг вперед» (1, 266). И действительно, на фоне традиционно упоминаемого кантовского «ни шагу» по поводу развития формальной логики со времен Аристотеля настроение рассматриваемого текста, пожалуй, можно считать даже модернистским.

3. Логико-семантическая экспликация рассуждений Канта

Несмотря на выраженное в первой «схолии» текста (1, 269) более чем прохладное отношение самого Канта к «знаковой комбинаторике», как он называет лейбницевскую «*Characteristica universalis*», предлагаем усилить указанный момент модернизации и провести некоторую современную логико-семантическую реконструкцию идей раннего Канта об автономии отрицательных суждений. Здесь не будут подробно разрабатываться конкретные логические системы, для содержательных логико-философских целей статьи уместно будет ограничиться общими идейными соображениями, проиллюстрированными средствами пропозициональной логики. Конечно, у самого Канта рассуждения, в соответствии с духом времени, ориентированы исключительно на субъектно-предикативную структуру суждений²⁷. Однако о тесной связи силлогистики (как исчисления общих имен) и алгебры классов²⁸, с одной стороны, а также об алгебраической трактовке (в духе алгебры Линденбаума — Тарского)²⁹ множества всех формул формализованного языка нулевого порядка (т.е. языка пропозициональной логики) — с другой, широко известно. Да и сами формулировки принципов, допускаемые Кантом, как будет видно дальше, провоцируют остановиться на пропозициональном уровне языка логики.

Рассмотрим лишь первый раздел работы, носящий название «О принципе противоречия», излагая некоторые рассуж-

дения Канта, правда — не строго параллельно тексту, с привлечением логико-семантических средств.

С самого начала Кант делает провокационное заявление:

«Положение первое: *Не существует одного-единственного, безусловно первого и всеобъемлющего принципа для всех истин*» (1, 266).

Кажется (конечно, с долей условности), что именно под этим лозунгом, проходит деуниверсализация классической логики, породившая современное многообразие логических систем: «...критика “основных” законов и принципов классической логики привела к феномену *логической континуальности*, выраженному как в континуальности самих классов логических систем, так и в наличии континуальности замкнутых классов логических функций. Отсюда возникает вопрос, является ли логическое мышление человека дискретным или континуальным? Ответ на этот вопрос также зависит от того, что мы понимаем под *логикой*, или *логической системой*. И в рамках одной ли логической системы мыслит человек?»³⁰.

У скромной диссертации 1755 г. не столь глобальные цели, вопрос об отказе от принципа противоречия или от любого другого принципа классической логики, конечно же, здесь не ставился. Кант лишь критикует претензию принципа противоречия на место «одного-единственного, безусловно первого и всеобъемлющего принципа». По мнению Канта, принцип противоречия не выдерживает экзамена на простоту: «Необходимо, чтобы первый и подлинно единственный принцип был простым положением; положение, молчаливо содержащее в себе многие другие положения, имело бы только видимость одного-единственного принципа» (1, 266). Причем критика основывается на признании автономного существования «двух родов истин» — утвердительных и отрицательных: «...если положение действительно простое, то оно должно быть либо утвердительным, либо отрицательным. Однако... будучи тем или другим, оно не может быть всеобщим, полностью содержащим в себе все истины; ведь если скажешь, что положение *утвердительное*, то оно не может быть безусловно первым

2. Логическое кантоведение

принципом отрицательных истин; если же скажешь, что оно *отрицательное* положение, то оно не может быть первым среди утвердительных истин» (1, 266—267).

Таким образом, согласно позиции Канта в этом раннем метафизическом тексте, в языке логической системы должны автономно присутствовать как атомарные утвердительные высказывания, так и атомарные отрицательные высказывания. То есть формулировку синтаксиса следует начать с допущения, что в основе L-языка лежат два счётных, непустых и непересекающихся множества:

Φ_{0-pos} — атомарные утвердительные выражения: $p, q, \dots$;

Φ_{0-neg} — атомарные отрицательные выражения: $\sim p, \sim q, \dots$

Также L-алфавит содержит стандартные пропозициональные связки³¹: $\neg, \wedge, \vee, \supset$.

Единственная синтаксическая категория Φ — формулы. Множество правильно построенных формул задается стандартно рекурсивно:

— $\Phi_{0-pos} \cup \Phi_{0-neg} \subseteq \Phi$;

— если $A \in \Phi$ и $B \in \Phi$, то $\neg A \in \Phi, A \wedge B \in \Phi, A \vee B \in \Phi, A \supset B \in \Phi$.

Однако здесь следует различать:

— Φ_{-pos} — формулы, содержащие только атомарные утвердительные выражения, например: $\neg p \wedge q$;

— Φ_{-neg} — формулы, содержащие только атомарные отрицательные выражения, например: $\neg \sim p \wedge \sim q$;

— Φ_{-mix} — формулы, содержащие как атомарные утвердительные выражения, так и атомарные отрицательные выражения, например: $\neg p \wedge \sim q$.

Естественно, что $\Phi_{-pos} \cup \Phi_{-neg} \cup \Phi_{-mix} = \Phi$.

Семантическая L-модель для Φ_{0-pos} и Φ_{0-neg} есть пара $M = \langle W, V \rangle$ со следующими свойствами:

— W есть непустое множество возможных миров;

— V есть означивающая функция с областью определения

$\Phi_{0-pos} \cup \Phi_{0-neg}$ — такая, что:

— для каждого $p \in \Phi_{0-pos}$ имеет место: $V(p) \subseteq W$;

— для каждого $\sim p \in \Phi_{0-neg}$ имеет место: $V(\sim p) \subseteq W$.

Если $s \in W$, то оценка истинности атомарных выражений устанавливается следующими условиями³²:

$$\begin{aligned} - M, s \models p &\leftrightarrow s \in V(p); \\ - M, s \models \neg p &\leftrightarrow s \in V(\neg p). \end{aligned}$$

Оценка атомарных выражений стандартно рекурсивно распространяется на все формулы (справа знаки метаязыка):

$$\begin{aligned} M, s \models \neg A &\leftrightarrow \neg M, s \models A; \\ M, s \models A \wedge B &\leftrightarrow M, s \models A \wedge M, s \models B; \\ M, s \models A \vee B &\leftrightarrow M, s \models A \vee M, s \models B; \\ M, s \models A \supset B &\leftrightarrow M, s \models A \rightarrow M, s \models B. \end{aligned}$$

* * *

Вернемся к тексту Канта, где естественным шагом становится следующее рассуждение: «Так как существует два рода истин, то я предпочитаю установить для них и два первых принципа: один — утвердительный, другой — отрицательный» (1, 271—272), а результатом — своего рода вариация на тему известных слов Парменида, что «есть бытие, а небытия вовсе нету»:

«Положение второе: Существует два безусловно первых принципа всех истин: один для утвердительных истин, а именно положение: “все, что есть, есть”; другой для отрицательных истин, а именно положение: “все, что не есть, не есть”. Оба эти положения, взятые вместе, называются принципом тождества» (1, 268).

Эти безусловные принципы:

$$\begin{aligned} (1) p \supset p &\text{ — «все, что есть, есть»}; \\ (1') \neg p \supset \neg p &\text{ — «все, что не есть, не есть» —} \end{aligned}$$

в элегантных секвенциальных формулировках логических систем приобрели бы статус независимых основных секвенций вида:

$$\begin{aligned} (G1) p, \Gamma &\rightarrow \Theta, p; \\ (G1') \neg p, \Gamma &\rightarrow \Theta, \neg p. \end{aligned}$$

В общем случае следует различать автономию суждений как обладание самостоятельным онтологическим статусом и

2. Логическое кантоведение

взаимонезависимость классов суждений. Отсутствие онтологической автономии у одних суждений определяет их необходимую зависимость от других, имеющих эту автономию. Таковы гносеологические концепции сущности отрицательных суждений, в частности упомянутая выше концепция преодоления ложного знания, связанная с именем Канта. Независимость же классов суждений, как понятие более узкое, влечет к их обязательной автономии и, в нашей терминологии, полная взаимонезависимость автономных утвердительных и отрицательных суждений означает то, что не выполняется ни одно из следующих семантических условий³³:

$$(I) V(p) \cup V(\sim p) = W;$$

$$(II) V(p) \cap V(\sim p) = \emptyset.$$

Стоит заметить, что это весьма тривиальный случай автономии, так как полностью исключается образование Φ_{-mix} , а значит, имеют место две несопряженные системы логики с различными непересекающимися множествами формул Φ_{-pos} и Φ_{-neg} .

Полная взаимозависимость утвердительных и отрицательных суждений не лишает их онтологической автономии, но делает ее содержательно пустой. Если выполняются оба условия (I) и (II), имеет место не менее тривиальный случай, так как знак « $\sim$ » становится излишним³⁴:

$$M, s \models \sim p \leftrightarrow s \in V(\sim p) \leftrightarrow s \notin V(p) \leftrightarrow \neg M, s \models p \leftrightarrow M, s \models \neg p.$$

Именно этот тривиальный случай полной взаимозависимости утвердительных и отрицательных суждений при их автономии мы встречаем в раннем метафизическом тексте Канта. Для обоснования этого заявления обратим внимание, что, критикуя принцип противоречия, Кант рассматривает взаимосвязь между отрицательным и утвердительным суждением через положения, необходимые для косвенных выводов (1, 267):

(2) $\neg \neg p \supset p$ — «истинно все то, противоположное чему ложно» (иначе — $\neg p \supset \sim p$);

(2') $\sim p \supset \neg p$ — «если противоположное данному истинно, то само данное ложно».

Этим положениям Кант отказывает в безусловности, но речь, конечно, идет вовсе не о возможности отбросить одно из них, а лишь о редукции к «безусловно первому принципу всех истин»: «Что касается косвенного доказательства, то мы в конечном счете найдем, что в его основе лежит тот же двойного рода принцип (тождества. — А.К.)» (1, 268). Далее Кант, содержательно вроде бы различая «противоположное» ($\sim p$) и «ложность, или устранение» ($\neg p$), формально обозначает их одним знаком: «противоположное выражено здесь посредством частицы *не*, а его устранение — также с помощью частицы *не*» (1, 269). Таким образом, (2) прочитывается как «*все, что не не есть, есть*»; и затем, «сообразно с законом знаков, поскольку одна частица *не* указывает, что другую частицу *не* должно устранить» (1, 269) — как (1) «*все, что есть, есть*», а (2') прочитывается как (1') — «*все, что не есть, не есть*». Отсюда делается вывод, «что и при косвенном доказательстве двойкий принцип тождества имеет решающее значение и стало быть, составляет последнее основание всякого познания вообще» (1, 269), и формулируется:

«Положение третье: *Принцип тождества надлежит предпочесть принципу противоречия как высший по сравнению с ним принцип выведения истины*» (1, 271).

Принцип противоречия не отбрасывается, а вытесняется на семантический уровень, в нашем случае — в форме условия (II). Обратим внимание, что именно таким образом традиционно поступают при секвенциальной формулировке логических систем, выбирая в качестве основной секвенции, по сути, принцип тождества.

4. Онтологическая автономия суждений и деуниверсализация классической логики

Рассмотренные выше случаи автономии суждений не приводят к деуниверсализации классической логики. Нетривиальными являются случаи частичной зависимости утвердитель-

2. Логическое кантоведение

ных и отрицательных суждений, когда одни из автономных суждений зависят от других, но не наоборот, т.е. одно из семантических условий выполняется, а другое нет:

— если (I) отбрасывается, а выполняется только (II), то получаем логику, где Φ_{-pos} и Φ_{-neg} соответствуют булевой алгебре, а Φ_{-mix} — алгебре Хао Вана;

— если (II) отбрасывается, а выполняется только (I), то получаем логику, где Φ_{-pos} и Φ_{-neg} также соответствуют булевой алгебре, а Φ_{-mix} — двойственной алгебре Хао Вана.

Поскольку семантическое условие (I) детерминирует принцип (2), а (II) детерминирует принцип (2'), то секвенциальная формулировка рассматриваемых неклассических логик должна будет содержать лишь одну из соответствующих секвенций сопряженности вида:

$$(G2) \Gamma \rightarrow \Theta, p, \sim p;$$

$$(G2') p, \sim p, \Gamma \rightarrow \Theta.$$

При (G2), кроме классических теорем для Φ_{-pos} и Φ_{-neg} (например, $\neg(p \wedge \neg p)$, $p \vee \neg p$, $\neg(\sim p \wedge \neg \sim p)$, $\sim p \vee \neg \sim p$), логическая система будет иметь в качестве Φ_{-mix} -теоремы, например, формулу $p \vee \sim p$, но не $\neg(p \wedge \sim p)$; при (G2') — наоборот: формула $\neg(p \wedge \sim p)$ — Φ_{-mix} -теорема, но не $p \vee \sim p$, и даже не формула $\neg(\neg(p \vee \sim p))$, аналогичная доказанной В. Гливленко для интуиционистской логики⁵⁵. Заметим, что при топологической интерпретации, в отличие от классического отрицания, где значением $\neg A$ берется дополнение A , интуиционистское отрицание соотносится с внутренностью дополнения A ; то же самое, но только по отношению к атомарным отрицательным высказываниям вида $\sim p$ имеет место и для рассматриваемого случая логической системы с (G2').

Дальнейшим шагом могло бы стать рассмотрение случаев комбинации с небулевыми Φ_{-pos} и Φ_{-neg} : $2^6 = 64$, в рамках двумерной логики, но построение конкретных логических систем по оговоренным выше причинам останется за пределами данной статьи.

* * *

Итак, допущение автономии различных типов суждений ведет к многообразию неклассических логик. Принято считать, что «классичность» формальной логики не была для Канта проблематичной, не вызывала сомнений, а философско-критическое отношение к претензии на универсальность разрабатывалось вне самой формальной логики. Именно в философии Канта, а не в его логике, известное изложение которой не выделяется на фоне иных — современных Канту — сочинений по логике, находят кантоведы идеи, в той или иной степени созвучные исследованиям по неклассическим логикам. Васильев же критикует универсальность классической (аристотелевой) логики уже непосредственно на территории формальной логики, но, что весьма осторожно, не на территории «нашего мира»: «Если Аристотелева логика истинна для нашего мира, то неаристотелева логика может быть истинна только в каком-нибудь другом мире»³⁶. «Воображаемую логику» Васильев предваряет «воображаемой онтологией»: «Наша логика есть логика реальности в том смысле, что она является орудием для познания этой реальности и благодаря этому находится в самом тесном отношении к реальности. Новая логика лишена этого отношения к нашей реальности, она является чисто идеальным построением. Только в ином мире, чем наш, в воображаемом мире (основные свойства которого, впрочем, мы можем точно определить) воображаемая логика могла бы стать орудием познания»³⁷.

Нужны ли неклассические логики современной науке³⁸, имеют ли они вообще смысл за пределами «чисто идеальных построений»? Положительное решение этой проблемы в сфере современной интеллектуальной культуры не сможет обойтись без обращения к глубоким онтологическим и теоретико-познавательным концепциям, именно таким, как критическая философия Канта. Полностью ли потерял Кант критического периода связь со столь современной идеей автономии отрицательных суждений, или такая связь не была потеряна? А если

2. Логическое кантоведение

и была потеряна, то что было бы в противном случае? Эти вопросы погружают исследование в более широкий контекст проблематики соотношения философии Канта и оснований современной логики.

¹ *Зеебом Т.* Логика понятий как предпосылка кантовской формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. Вып. 17. Калининград, 1993. С. 68.

² См., напр.: *Карпенко А.С.* Логика на рубеже тысячелетий // Логические исследования. Вып. 7. М., 2000. С. 7—60; *Васюков В.Л.* Последствия логического плюрализма: глобальный и локальный аспекты // Логические исследования. Вып. 10. М., 2003. С. 23—34.

³ *Райнах А.* К вопросу о теории негативного суждения // Собр. соч. М., 2001. С. 152.

⁴ *Бродский И.Н.* Отрицательные высказывания. М., 1973.

⁵ *Васильев Н.А.* Логика и металогики // Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. М., 1989. С. 105.

⁶ *Васильев Н.А.* Воображаемая (неаристотелева) логика // Там же. С. 66.

⁷ *Васильев Н.А.* О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого // Там же. С. 26.

⁸ Многомерные логики следует отличать от многозначных логик. См., напр.: *Смирнов В.А.* Многомерные логики // Логические исследования. Вып. 2. М., 1993. С. 259—278.

⁹ *Васильев Н.А.* Воображаемая (неаристотелева) логика. С. 59.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См., напр.: *Карпенко А.С.* Многозначные логики // Логика и компьютер. Вып. 4. М., 1997. С. 22—29.

¹⁶ *Павлов С.А.* Логика с операторами истинности и ложности. М., 2004.

¹⁷ См., напр., заметку о кантианце Круге: *Васильев Н.А.* О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого. С. 43—45.

¹⁸ *Смирнов В.А.* Иммануил Кант и современная логика // Кантовский сборник. Калининград, 1989. Вып. 14. С. 51—58; *Смирнов В.А.*

О перспективах анализа учения И. Канта о праве и морали средствами современной логики // Кантовский сборник. Калининград, 1990. Вып. 15. С. 68—73.

¹⁹ Роль идей Канта в подходе к обоснованию логических систем обсуждается в: *Смирнова Е.Д.* Логика и философия. М., 1996. Или см. более ранний тест: *Смирнова Е.Д.* Роль идеальных элементов у Гильберта и Канта // Кантовский сборник. Калининград, 1990. Вып. 15. С. 106—116.

²⁰ *Меськов В.С.* Логика практического разума // Кантовский сборник. Калининград, 1989. Вып. 14. С. 58—67.

²¹ *Kuiflen W. van der.* Infinite judgment in Kant's «Critique of Pure Reason» // Логическое кантоведение-4. Калининград, 1998. С. 199—215.

²² *Михайлов К.А.* Логический анализ теоретической философии Иммануила Канта: Опыт нового прочтения «Критики чистого разума». М., 2003.

²³ *Бродский И.Н.* Отрицательные высказывания. М., 1973. С. 30.

²⁴ И.Н. Грифцова обоснованно избегает тривиальной крайности распространенной трактовки хайдеггеровского отношения к логике как предельно негативного: *Грифцова И.Н.* Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М., 1998. С. 86—97.

²⁵ *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 16—27.

²⁶ *Хайдеггер М.* Положение об основании. СПб., 1999.

²⁷ Встречаются статьи, вполне достойные внимания (напр.: *Вергаувен Р.М., Зайцев Е.А.* Проблема логического отрицания у Аристотеля и Васильева // Вопросы философии. 2004. № 8. С. 82—98), которые при обсуждении тем, касающихся неклассических логик, обходятся без современного логического аппарата. Это, конечно, не только дело вкуса, здесь возможна и принципиальная позиция, но, на наш взгляд, многие обсуждаемые проблемы неклассической логики могут быть рассмотрены только современными средствами.

²⁸ См.: *Бочаров В.А.* Булева алгебра в терминах силлогистики // Логические исследования (Труды научно-исследовательского семинара по логике ИФРАН). М., 1983. С. 32—42; *Смирнов В.А.* Дефиниционная эквивалентность расширенной силлогистики булевой алгебре классов // Там же. С. 43—48.

²⁹ *Расёва Е., Сикорский Р.* Математика метаматематики. М., 1972. С. 245.

³⁰ *Карпенко А.С.* Логика на рубеже тысячелетий // Логические исследования. Вып. 7. М., 2000. С. 15.

2. Логическое кантоведение

---

³¹ Следует заметить, что знак « $\sim$ » не является пропозициональной (или какой-нибудь другой) связкой, это индекс отрицательных суждений.

³² $M, s \models A$ — «в мире s модели M истинно A ».

³³ Мы обращаемся к известной по работам Е.Д. Смирновой семантической схеме анализа (см., напр.: *Смирнова Е.Д.* Истинность и вопросы обоснования логических систем // Исследования по неклассическим логикам. М., 1989. С. 157), но опираемся не на концепты области и антиобласти высказывания, а на различение классов утвердительных и отрицательных суждений, что определяет некоторую специфику, позволяющую поднимать вопрос о сопряженности логических систем.

³⁴ В таких случаях говорят о «слипании» знаков « $\sim$ » и « $\neg$ ».

³⁵ *Гливенко В.* О логике Брауэра // Труды научно-исследовательского семинара логического центра Института философии РАН 1997. М., 1998. С. 16.

³⁶ *Васильев Н.А.* Воображаемая (неаристотелева) логика. С. 54.

³⁷ Там же.

³⁸ См., напр.: *Alternative logics: do sciences need them?* Springer-Verlag: Berlin, Heidelberg, New York, 2004.

К.Ф. САМОХВАЛОВ

(Сибирское отделение РАН, Институт математики
им. С.Л. Соболева, Новосибирск)

Замечания к теме: Кант и предикаты существования *

Мы твердо уверены, что некоторые вещи не обладают тем или иным конкретным видом существования. Например, мы убеждены, что эмпирически не существует число два. Но как это убеждение выразить в языке первого порядка? Если мы попытаемся выразить его высказыванием:

$$\neg \exists x (x = 2),$$

где 2 — имя (цифра для) числа два, то обнаружим, что это высказывание является логически ложным, так как его отрицание

---

* Работа поддержана грантами: НШ-2112.2003.1; Интеграционный проект СО РАН, № 125.